

«ТЕ, КТО МУДРЕЕ,
СТРАДАЮТ
БОЛЬШЕ...» 3

Интервью с писателем
Дэвидом Николсом

#20
(2318)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

8 ВСЕЛЕННАЯ
ИМЕНИ
ДЖЕКА

Эмма Донохью
о детях и маньяках

9 МИКЛУХО,
ЗАЖИГАЮЩИЙ
ВОДУ

Даниил Тумаркин
об известном путешественнике

20 КОГДА НЕ
ПОМОГАЕТ
МЯТНЫЙ ЧАЙ

История
фрау Майер

НОВОСТИ

Книги — в руки

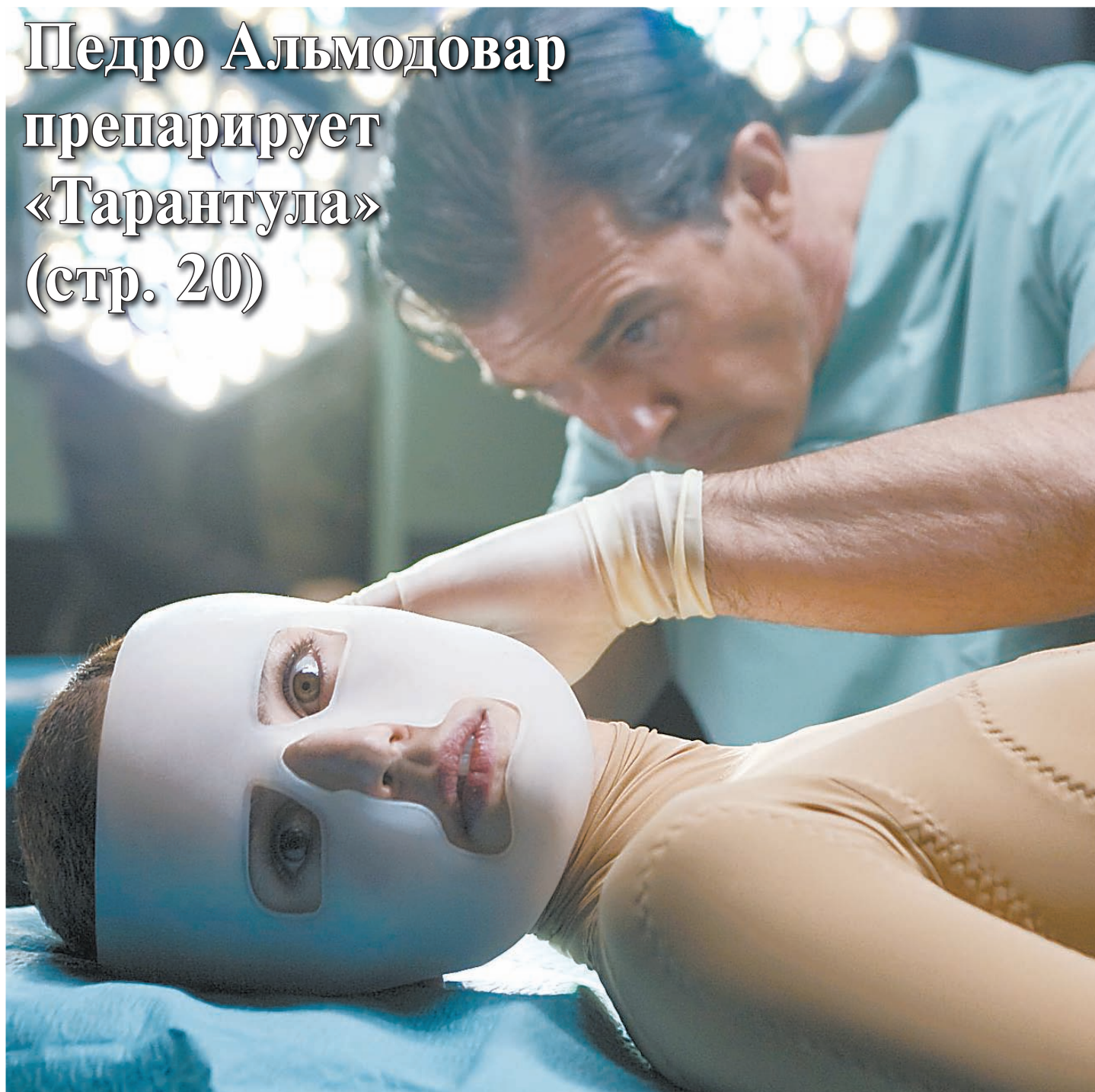
28 сентября в Большом зале Дома Пашкова в Москве состоялся VII съезд Российского книжного союза. В его работе принял участие Премьер-министр Российской Федерации В.В. Путин. Съезд открыл президент Российского Книжного Союза, председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин, который подвел итоги реализации первого этапа «Национальной программы поддержки и развития чтения» и уточнил цели дальнейшей работы. «Если в течение ближайшего года не принять срочных мер, книжная отрасль может потерять до 30% рынка, что равнозначно катастрофе», — заявил он. Пессимистический прогноз в немалой степени связан с развитием Интернета и электронных книг. Затем перед участниками выступили министр связи и массовых коммуникаций И.О. Шеголев, министр культуры А.А. Авдеев, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский.

Самый серьезный повод для беспокойства: 46% россиян вообще не берут в руки книг. В связи с этим Владимир Путин сказал, что повышение интереса к чтению в России должно стать общенациональной задачей, и добавил, что в рамках этой программы на информатизацию библиотек страны в 2012 году будет выделено 500 миллионов рублей, одновременно будут создаваться условия для пополнения библиотечных фондов. Кроме того, Правительство РФ прорабатывает поправки в Налоговый кодекс для списания нераспроданных тиражей. В рамках съезда он также провел неформальную встречу с литераторами, в которой участвовали Михаил Веллер, Дарья Донцова, Захар Прилепин, Марина Устинова, Александра Маринина, Сергей Лукьяненко и др.

Выступление Владимира Путина на съезде РКС читайте в приложении «PRO», а стенограмму встречи с писателями — на стр. 4.

Смех, слезы и хирургия

Педро Альмодовар
препарировует
«Тарантула»
(стр. 20)

книжное обозрение

pro

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:

Выступление Владимира Путина на VII съезде РКС;

Отраслевая конференция «Книжный рынок России»-2011.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 17 октября с.г.

ISSN 1609-3127

9 771609 312115 > 20

НОВОСТИ

книга недели

Мечты пластиковых людей

Как и «Берег утопии», «Рок-н-ролл» Тома Стоппарда пришел к нам не один, а с обстоятельным культурным проектом: издана пьеса, в РАМТ прошла премьера спектакля, приехал в Москву сам Стоппард, состоялся благотворительный концерт «Неравнодушный рок» — с участием пражской группы The Plastic People of the Universe, вокруг истории которой во многом вращается сюжет «Рок-н-ролла». Итак, интеллектуальный трип по страницам истории продолжается. Теперь мы в XX веке, слушаем хорошую музыку и вместе с коммунистом старой закалки Максом, бойцом-оппозиционером Фердинандом и Яном, паладином идеологического компромисса, пытаемся осмыс-

Стоппард Т.
Рок-н-ролл / Пер.
с англ. А.Островского,
С.Островского.
М.: Астрель, Corpus, 2011. —
192 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-271-37667-2

лить, что же произошло в Праге в 1968-м. А если получится, то и понять что-то о головоломной пространственной геометрии тоталитаризма с ее опасными пересечениями плоскостей личного и государственного, теоретического и практического, диссидентского и недиссидентского.

Спору нет, от произведения с названием «Рок-н-ролл», где вместо игры зубами на горящей гитаре мужчины яростно спорят о социализме, а их женщины изучают лирику Сапфо, может приключиться когнитивный диссонанс. Некоторые СМИ уже успели забавно побрюзжать о том, что пьеса тяжело-весна, многословна и не рок-н-роллезна. Ну а кто сказал, что интеллектуальная драматургия — это легко? Это очень нелегко. И спокойно следить за философско-политической дискуссией, разворачивающейся не в уютно-отдаленном XIX веке, а во временах легко вспоминаемых и облепленных, как ракушками, массой нелицеприятных ассоциаций, — дело почти героическое. Однако поверьте, если не поленишься душой и головой, а заодно вспомнить, что дискуссии нужны не для выявления правых и виноватых, все очень быстро станет на свои места, и свою порцию умственного и эмоционального наслаждения вы получите обязательно. И даже станет понятно, при чем тут Сапфо — а она очень даже при чем!

Мария Мельникова

Химия, русский и биология

28 сентября были объявлены претенденты на главные награды Премии «Просветитель», при-суждаемой в области научно-популярной литературы. Учредитель Премии и основатель фонда «Династия» Дмитрий Зимин, а также сопредседатели Оргкомитета — писатель и телеведущий Александр Архангельский объявили два «коротких списка» — по количеству победителей, то есть по гуманитарному направлению и естественным и точным наукам соответственно.

Историк и публицист Яков Гордин — автор «Кавказской Атлантиды. 300 лет войны», известный лингвист, старший научный сотрудник Института русского языка имени Виноградова РАН Ирина Левонтина — с книгой «Русский со словарем», профессор, доктор филологических наук Владимир Плунгян, написавший исследование под названием «Почему языки такие разные», и проректор Российской экономической школы Константин Сонин с «Уроками экономики» — все они вошли в первый, гуманитарный, блок. А во втором, естественно-научном, конкуренцию друг другу, по решению жюри, должны составить доктор биологических наук, знаменитый палеонтолог Александр Марков (его «Эволюция человека» пока не обрела форму книги и находится в состоянии рукописи); писатель Антон Первушин с историей под названием «108 минут, изменившие мир», рассказывающей «*всю правду*» о полете Юрия Гагарина; главный редактор журнала «Химия и жизнь» Любовь Стрельникова с книгой «Из чего все сделано?», представляющей собой такие рассказы о веществе, которые одинаково интересно читать и детям, и взрослым; а также любитель и коллекционер растений Владимир Цимбал, задумавший написать о своем чувстве серьезную книгу — «Растения. Параллельный мир».

Стало известно и еще кое-что новое, имеющее отношение к изменениям в области денежного вознаграждения. Отныне призы будут осчастливлены не только лауреаты (они, напомним, получают 720 тысяч рублей), но и финалисты премии — авторы, книги которых вошли в «короткий список» (размер их награды составит 120 тысяч рублей). А объявлены имена победителей будут 24 ноября.

Пелевин или Адонис?

Британская букмекерская компания Ladbrokes оценила шансы российского писателя Виктора Пелевина на получение Нобелевской премии по литературе как пятьдесят к одному. Главным претендентом на Нобелевку компания назвала сирийского поэта Адониса: ставки на его победу принимаются с коэффициентом 4:1.

В числе фаворитов также оказались американский писатель Томас Пинчон (10:1), венгр Петер Надаш (12:1), японский писатель Харуки Мураками (16:1) и румынский поэт Мирча Кэртэреску (20:1). В списке претендентов есть еще российский поэт Евгений Евтушенко — букмекеры оценивают его шансы как 80:1. Такие же шансы на победу у британского писателя Джулиана Барнса, который в этом году попал в шорт-лист другой литературной премии — британского «Букера».

Кроме того, на Нобелевскую премию в области литературы в этом году претендуют Кормак Маккарти (25:1), Филип Рот (25:1), Милан Кундера (33:1), Иэн Макьюэн (40:1), Умберто Эко (50:1) и другие. Меньше всего шансов, по оценкам букмекеров, у Боба Дилана (100:1).

Лауреат Нобелевской премии по литературе станет известен в начале октября — точная дата пока не определена. Вероятно, победителя назовут 6-го или 13-го числа. Шведская академия держит имена финалистов премии в секрете.

Издания, отрецензированные в номере

Андреев Л. Далекие. Близкие	15
Арендт Х. О революции	15
Аткинсон К. Ждать ли добрых вестей?	19
Блэквуд Э. Кентавр	11
Гринуолд Р. Почему он не перезвонил?	15
Губарев В. Флибустьеры Ямайки	11
Джейкобсон Г. Вопрос Финклера	8
Донохью Э. Комната	8
Жонке Т. Тарантул, или Кожа, в которой я живу	20
Кон Сонок. Приходите на поле гаоляна	8
Королев А. Genius loci: Повесть о парке	15
Куинн К. Хозяйка Рима	11
Малая толика: Альманах памяти	
Мандельштам О. Полное собр. соч. В 3 т.	16
Мерен С.В., Ромэн О. Маленькая жизнь... ..	21
Нечипоренко Ю. Помощник царям:	
Жизнь и творения Михаила Ломоносова	15

Новикова Л. Провинциальная «контрреволюция»	15
Панов В. Красные камни Белого	11
Почтарев А., Горбунова Л. Полярная авиация ...	9
Пуаре П. Одевая эпоху	24
Реутин М. Мистическое богословие	
М. Экхарта	15
Риттельмайер Ф. Встречи с Р. Штайнером	15
Рэнкин И. Открытая дверь	19
Трофимов Е. Гладиаторы	11
Тумаркин Д. Белый папуас	9
Флинн А. Страшно красив	20
Херст Дж. Кратчайшая история Европы	11
Хорватова Е. Русский Гамлет. Павел I	11
Шелонин О., Баженов В. Царский сплетник и шемаханская царица	11
Эрльбрух В. Дрозд фрау Майер	21

Влюбленные в Сибирь

Через всю Россию — от Москвы до Улан-Удэ — этот поезд проехал сотни километров и провел в пути больше двух недель, с 11-го по 26 сентября. Но главное не это, а то, кем были его пассажиры: писатели, которых выбирали в Италии, путем голосования в ПЕН-клубе, среди тех авторов, у кого «*особое отношение к России*». В результате в путешествии по России, под названием «Транссибириана», организованное Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, отправились прозаик Роберто Пацци, чьи книги издавались на 26 языках, известный писатель Себастьяно Грассо и литературный критик Анжело Гульерми.

Одни проводы на Ярославском вокзале уже тянули на целый роман, что уж говорить о самой поездке, имевшей все шансы стать главным событием перекрестного года Россия—Италия. Сначала остановки в европейских Нижнем Новгороде и Казани, в каменном Екатеринбурге и деревянном Томске, а затем Красноярск, который писателями был назван «*настоящей Швейцарией*» («*И кто бы подумал — в Сибири!*») и где они посетили музей-усадьбу В.И. Сурикова и ГЭС, а дом Астафьева — в Овсянке. Они ждали встречи с уникальной природой и с людьми, которые живут в Сибири, — и получили то, что хотели: выступления татарского фольклорного ансамбля и изысканный концерт в салоне княгини Волконской в Музее декабристов, традиционные русские хоры в старообрядческой деревне и Раифский мужской монастырь, нижегородский и казанский кремли, а в Улан-Удэ — будистские пагоды, и еще — настоящую сибирскую тайгу. «*В Италии Сибирь имеет такой сказочный образ, поэтому я здесь, чтобы самому почувствовать эту атмосферу*», — признался во время одной из остановок Анжело Гульерми. В пути итальянцы встречались со студентами и с местной творческой интеллигенцией, с инженерами и педагогами, которые работают со слабо видящими детьми, с главами больших и маленьких населенных пунктов и простыми сельскими жителями, с шишкарями, которые заготавливают в тайге кедровые шишки, и с телевизионными и газетными журналистами. Само собой, что свои впечатления путешественники постарались зафиксировать на фото- и кинокадрах, в быстрых дорожных набросках, в записных книжках, на экранах ноутбуков и в памяти.

Памяти Расула

В центре Москвы открыта мемориальная доска Герою Социалистического Труда, кавалеру Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, лауреату Ленинской и Государственной премий, народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову — работа скульптора Паата Мерабишвили и архитектора Евгения Хайлова. Памятный знак установлен на доме на пересечении Тверской улицы с Благовещенским переулком, где поэт жил с 1974-го по 2003 год. В церемонии открытия приняли участие видные политики и писатели России и Дагестана.

Выбор редакции

1 Спустя почти сто лет в Россию вернулись путеводители легендарной серии Baedeker — те самые книги, с которыми путешествовали герои Достоевского и Чехова и название которых давно стало нарицательным. Современные «бадекеры» так же увлекательны, как дореволюционные, а заодно снабжены пластиковым чехлом на случай капризов природы.

Китай / Пер. с нем.
Н.Гладилина.
М.: Аякс-Пресс, 2011. — 636 с.
(Baedeker).

2 Бертран Тессье — один из немногих авторов, которым удалось не просто побеседовать с Бельмондо, но и понравиться актеру, не сильно жалующему журналистов. В своей книге Тессье рассказывает о том, как возник миф о Бельмондо, что скрывает великий актер за своими грубоватыми выходками, и в чем секрет его завораживающей «неисправимости».

Тессье Б.
Бельмондо. Неисправимый / Пер. с фр. Т.Понятиной.
Нижний Новгород: Деком, 2011. — 216 с.

3 Мир, в котором живет Джонас, идеален. В нем нет ни войны, ни боли, ни страха. И у каждого свое предназначение. Когда Джонасу исполняется двенадцать лет, он узнает, что в Коммуне есть человек, хранящий воспоминания о настоящем мире... Лоис Лоури написала книгу в странном для детской литературы жанре антиутопии, но у нее все получилось.

Лоури Л.
Далющий / Пер. с англ. А.Шур.
М.: Розовый жираф, 2011. — 256 с.

«Я человек с тонкой кожей...»

Беседовала Вера Бройде
Фото Евгения Люлюкина

Когда-то Дэвид Николс сыграл небольшие роли в «Аркадии» Тома Стоппарда и в «Чайке» Чехова — тогда он был еще очень молод и выступал на сцене Королевского национального театра Великобритании. Только дальше дело не пошло, потому что он начал писать сам: как сценарии по пьесам Харди и Шепарда, так и свои, оригинальные — к фильмам и радиопостановкам. И романы. Его «Один день», каждая глава которого, вместе с очередным прожитым годом, начинается 15 июля, в День святого Свитина, — рассказывает... Нет, вовсе не о пропасти между тем, кем мы были, и кем стали, а скорее о пропасти между мечтами о чем-то блистательном и великолепном и будущей реальностью. О реальности и вымысле — в кино, в жизни и в литературе — читайте в беседе с Дэвидом Николсом, приехавшим в Москву на несколько дней, чтобы рассказать об «Одном дне» и представить фильм, снятый по его роману.

— Учитывая завязку вашей истории, первый вопрос будет о приметах. Вы в них верите? Скажем, в то, что бывает на День святого Свитина?

— В реальной жизни я совсем не верю в приметы и, наверное, я гораздо рациональнее, чем можно подумать поначалу. Но вот в художественной литературе все по-другому: тут иные законы. В книге этот подход — когда от того, что случится сегодня, может зависеть большое завтра, и если на 15 июля пойдет дождь, лить ему еще сорок дней, и так далее — здесь он мне кажется интересным. Да и фильм «Один день», по сути, об этом: о невозможности предсказать будущее. Хотя то, что было напророчено на святого Свитина, не реализовалось. Мне нравится эта игра. И я обожаю Томаса Харди, который, как известно, множество своих произведений посвятил теме судьбы.

— Харди? Да, но ведь «Один день» начинается с эпиграфа из Диккенса, на него есть ссылки и в середине романа, и в конце, а теперь вы пишете сценарий для фильма «Большие надежды». По-видимому, вы его очень любите. Скажите — почему?

— Да, Диккенс и Джордж Оруэлл были самыми первыми авторами, которых я прочел. Мне было 12–13 лет, и сейчас я люблю их, но особенно Диккенса, не меньше, чем тогда. Этот писатель умеет соединять интеллект с доступностью. Его книги трогают сердце. Мне нравятся сильные эмоции, нравится его потрясающая способность быть смешным и серьезным в одной книге. А «Большие надежды» — мое любимое произведение. Классовые вопросы, вопросы о том, как человек становится тем, кем он является, связь корней и традиций — с настоящей жизнью и жизнью будущей — все это меня очень интересует, всегда интересовало. Я думаю, что смотрю на мир во многом как он. Пожалуй, ключевое слово моей книги — горько-сладкий, сочетание грустного и смешного, а это тоже очень по-диккенсовски. Вообще, я читаю больше старых авторов, XIX–XX веков — Фицджеральда, Сэлинджера, Апдайка, — чем современных: наверное, боюсь наткнуться на что-нибудь такое, что у них получается намного лучше, чем у меня. Смешно, но я человек с тонкой кожей и не

слишком хорошо переношу стрессы. Вот разве что Джонатана Франзена читаю.

— Любовь к Диккенсу ничуть не изменилась с годами, а как вы думаете, люди вообще меняются по-крупному в течение жизни? Или если смотреть очень внимательно, то можно увидеть, каким станет этот человек, например, через двадцать лет?

— Думаю, здесь все перемешано, причем самым таинственным образом. Свою первую книгу я написал о девятнадцатилетнем герое, и она была очень автобиографична. «Один день» я начал писать, когда мне было 39. Так вот, я и сам себя спрашивал: в чем тут разница? Я стал более уверенным в себе, менее застенчивым, я теперь реже влюбляюсь. Но вместе с тем на языке у меня остались те же шутки и те же ценности, по большому счету. Да, и во мне живут те же страхи — по крайней мере, некоторые. Что-то меняется, а что-то остается прежним. Сейчас, вспоминая себя двадцатилетнего, я чего-то стыжусь, но было во мне том и что-то очень ценное и достойное.

— То, как построена ваша книга, напоминает фотографии, когда человек день за днем снимает одно и то же дерево, а потом видно, какие изменения с ним происходили: почему ветки оголились в конце осени и как потрескался толстый ствол. Только здесь вместо дерева два человека. И этот прием — скорее кинематографический, использован вами в литературе. Вы смешиваете два жанра, но который из них для вас важнее? Чем вам на самом деле приятнее заниматься?

— Да, действительно, на фотографию очень похоже, да и вообще — между картинкой, статичной или движущейся, и текстом, написанным на бумаге, много общего. Я считаю, что они все очень тесно связаны друг с другом. Когда я рос, то примерно одинаково любил читать книги и смотреть фильмы — мне всегда было по душе и то и другое. Теперь, когда я сам пишу, мне больше всего нравится чувство контроля над ситуацией и свобода. А что касается кино, то здесь для меня самое приятное — что множество людей работают вместе и заодно. Приятно на них смотреть и тоже участвовать в игре, то есть в деле, в общем — в процессе, ощущать себя его важной частью. Но в кино так

много рамок, за пределы которых нельзя выходить, и правил, которым обязательно нужно следовать. Бюджет, время, актеры, жанр фильма — все должно быть четко определено и зафиксировано. Так что сейчас меня больше занимает литература. Когда я пишу книгу, это что-то очень личное. Со сценарием — по-другому: он для меня как инструкция, которую я составляю для всех тех, кто будет участвовать в создании фильма. При этом сценарий для фильма, снятого по своей книге, мне, пожалуй, писать проще: я легко выбрасываю даже большие куски текста, чем-то жертвую. А с другими авторами я всегда очень трепетно обращаюсь: мне страшно, что я могу испортить чужое произведение, особенно если его создатель — писатель, которым я восхищаюсь, — Диккенс, Харди или Фицджеральд.

— Как вам кажется, вы с Лоне Шерфиг, режиссером «Одного дня», рассказали одну и ту же историю? Или она увидела в книге нечто другое, о чем и поведала в фильме?

— Режиссер — это босс, начальник. Все остальные, включая меня, ему подчиняются. Мне понравился фильм. Как писатель я принимаю то, что Лоне сотворила с моей книгой в качестве режиссера. Некоторые сцены были воплощены прямо в точности так, как я их видел в своем воображении, — и это как будто какое-то волшебство. А другие — нет. Самое лучшее, на что можно надеяться: что он поймет и почувствует в отношении себя — человек, посмотревший кино.

— Поскольку вы сами играли в театре, то на актеров в фильме смотрели еще и с чисто профессиональной точки зрения. И как вам они?

— О, я был очень плохим актером. Да, я играл в театре, но всегда был таким подвижным, слишком подвижным. Я не умел играть только лицом. А здесь, в кино, актеры прекрасны. Особенно Энн Хатауэй, сыгравшая Эмму. Меня восхищает Энн: то, что она может выразить одним взглядом или улыбкой, говорит сразу о столь многом, что некоторым не под силу сообщить, даже если они будут об этом говорить, и говорить, и говорить, или бегать по сцене, как это делал я. Мне очень понравилось то, как она была внимательна к маленьким деталям, которые

я повсюду разбросал в тексте, точно ребенок — игрушки по комнате. И еще то, как крепко она все контролировала. Я в свое время так не мог.

— А вы давали ей какие-то советы по поводу характера Эммы? Или, может, она сама вас спрашивала о своем персонаже?

— Да нет, почти нет: там была своя система, согласно которой нас сразу, едва познакомив, как-то разделили друг от друга. Меня не подпускали слишком уж близко к сердцу съемочного процесса, ну, может, я и сам не хотел, опасался слишком вмешиваться — это никому не было нужно. Хотя я знаю, что актеры читали книгу, правда, я с ними, к сожалению, об этом говорил совсем немного: мне хотелось бы больше. Впрочем, Энн я все же передал диск с музыкой, которую слушала Эмма, — чтобы она лучше себе ее представила. И Энн всюду ходила в наушниках.

— Эмма чудесна, и в фильме, и еще больше в книге. От нее — к Декстеру, от Декстера — к ней: и так весь роман, все годы, пока она не погибнет. Как писатель вы подталкиваете к тому, чтобы читатель их сравнивал, хотя и не как противников, а как друзей. Но чувство, что Эмма сильнее и во многом лучше, охватывает потому, что, видимо, вам самому она ближе. Почему тогда вы «убили» ее, а не Декстера?

— Конечно, Эмма мне ближе. А когда я придумывал Декстера, то эта работа давалась мне гораздо тяжелее: я совсем на него не похож. А с Эммой, особенно той Эммой, какой она была в молодости, у нас очень много общего: похожие вкусы, в музыке, еде и многих других вещах, похожие привычки и приоритеты, происхождение, мнения. Декстер в книге проходит путь — своего рода путь искупления. А чтобы что-то искупить, надо быть не очень хорошим человеком: так что, конечно, у него больше недостатков. Я думаю, что если бы ситуация была обратной, то моя задумка не сработала бы. Эмма мудра. Даже если несчастлива — все равно мудра. Может быть, так оно и бывает в жизни: те, кто мудрее, страдают не меньше, а больше. Но я сам не чувствую себя таким мудрым, как Эмма: все же она гораздо мудрее меня.

4 Это подлинная история самого Ночного из всех Ночных Дозоров. История анормпоркской Ночной Стражи. Вот только нашего героя зовут Сэм Ваймс, а не сами знаете как. Но про *«треснул мир наполам»* — это сущая правда. Ведь не будет, но будут монахи. Вампиров не будет, но будут убийцы. И будут убитые. И будут Свобода-Равенство-Братство, а когда возникает эта тройца, жди беды и, самое главное, крови.

Пратчетт Т.
Ночная стража / Пер. с англ.
Н.Берденникова; Под ред.
Н.Аллуна и А.Жикаренцева.
М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. — 528 с.

5 Предлагаемая книга впервые в одном издании подробно знакомит российских читателей с историей и теорией, а также с некоторыми шедеврами традиционной музыки стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония), которые вместе составляют единый культурный ареал. Ранее этот пласт культуры оставался практически неизвестным у нас.

У Ген-Ир
История музыки Восточной Азии (Китай, Корея, Япония).
СПб.: Планета музыки, 2011. — 544 с.

6 «Занятие или увлечение? Неизбежность или прихоть? Это надолго? Это пожизненно». Перед нами первая русскоязычная книга об аргентинском (остальные ненастоящие) танго. Автор рассматривает танец, как культурный феномен, возникший примерно в 1870-х годах в Буэнос-Айресе, на берегах великой реки Рио де ла Плата, и завоевавший весь мир.

Габриэля Г.
Tango Argentino\ Справочник начинающего тангера.
М.: КноРус, 2011. — 128 с.

7 Писатели-участники международного проекта «Мифы» обычно выбирают для творческого осмысления фигуры масштабные и почтенные. А хорватская неконформистка Дубравка Угрешич решила с юмором и любовью воспеть...

Угрешич Д.
Снесла Баба-яга яйцо / Пер. с серб. Л.Савельевой.
М.: Эксмо, 2011. — 448 с.